

Амшей Нюренберг

Письма, которые должны жить

(Пометка Нюренберга на пакете с письмами)

Амшей Маркович Нюренберг – художник, график, искусствовед, автор мемуарной прозы. Окончил Одесское художественное училище, жил в Париже в 1911-13 и 1927-29 гг. С 1920 г. жил и работал в Москве.

Одесский альманах, продолжая публикацию его архива, предлагает читателю материалы из Отдела рукописей Третьяковской галереи об одесских связях Нюренберга, дополненные и прокомментированные его внучкой к. фил. н., О. Тангян.

Амшей Нюренберг родился 17 апреля 1887 года в Елисаветграде (в советское время Кировоград, ныне – Кропивницкий). Его отец Марк Нюренберг занимался рыбной торговлей. В семье было 10 детей. Жили скромно, хотя имели собственный дом. Пять дочерей получили среднее медицинское образование. Все сыновья тоже имели профессии: Лев впоследствии руководил типографией, в том числе ВХУТЕМАСа, Яков работал фотографом АПН, Исайя владел часовой мастерской, старший Амшей и его младший брат Давид стали профессиональными художниками.

Художественная жизнь Нюренберга началась после встречи в Елисаветграде с Оскаром Беренсом – немцем по происхождению, агрономом, образованным человеком. Тот оценил способности мальчика и решил помочь ему, оплатив образование в Одесском художественном училище. В сохранившихся письмах Беренс* радовался успехам молодого человека, но одновременно сетовал, что Нюренберг прервал обучение, уехав в Париж, и часто

* См. письма Беренса в статье О. Тангян «Возвращение в Украину», альманах «Дерибасовская – Ришельевская», Одесса, 2011, № 46.

отвлекался на литературную работу. Наставнику казалось, что его подопечный разбрасывался.

У Нюренберга сохранился фотопортрет Беренса с несколько ироничной дарственной надписью: «Моему дорогому брату, Амшею, на добрую память от просящего у него прощения за содеянное зло». На самом деле Нюренберг очень ценил помощь, оказанную ему Беренсом. Он отмечал, что искусство не только приносило ему большую радость, но и не раз спасало его в трудные моменты жизни. В 1942 году во время

Оскар Беренс. Крутые, 1916 г.

тяжелого периода войны и эвакуации в Ташкент Нюренберг написал: «Мое художественное ремесло много раз в жизни меня спасало» (А. Нюренберг. *Дневник*, 1942 г.).

В Одесском художественном училище Нюренберг учился у профессора Кириака Костанди.** Позже он написал очерк, до сих пор считающийся лучшей и самой теплой работой о Костанди:

«Для нас, учеников Костанди, имя его – символ не только замечательного художника и великолепного педагога, но и чудесного человека.

Мир живописи Костанди невелик: южная прибрежная дача, тихие розово-желтые закаты, щедро разросшиеся сирени и акации, уснувшие в садах церковки, редкие фигуры грустящих монахов и стариков и семья со всем ее бытом – вот и все. Но какой огромной значимостью наделен этот небольшой мир! Все приобретает

** Кириак Костанди (1852-1921) – художник греческого происхождения, академик Императорской Академии художеств. Преподавал в Одесском художественном училище. Всей жизнью и работой был связан с Одессой. Вслед за Амшеем и, возможно, по его рекомендации в класс Костанди поступил и его младший брат Давид (Деви), известный потом как художник Д. Девинов.

Одесса, 2009. Мемориальная доска К. Костанди в Одесском художественном училище, где он много лет преподавал. Здание тогда подготавливалось к капитальному ремонту

в искусстве Костанди какой-то только ему присущий, волнующий поэтический смысл» (А. Нюренберг. Костанди. В кн.: А. Нюренберг. *Одесса – Париж – Москва*. М., Мосты культуры, 2010, с. 223).

В 1911 г. Нюренберг, прервав образование, уехал в Париж. Там он приобрелся к новейшим художественным течениям, выучил французский язык и на всю жизнь стал франкофоном. Особенно его восхищало искусство барбизонской школы и импрессионистов, а также творчество Поля Сезанна. В Париже он учился в частных академиях, работал как живописец

и даже как маляр, а также писал репортажи для русскоязычного «Парижского вестника». В течение года он делил ателье в фаланстере «La guche» (Улей) с Марком Шагалом, и жизнь его складывалась, как у всех художников – выходцев из России, – скудно, но увлекательно. Она могла бы так длиться и дальше, но в 1913 г. Нюренберг от нужды и плохих жилищных условий тяжело заболел бронхитом (было подозрение на чахотку) и по совету врачей срочно вернулся на родину.

Поправив здоровье, Нюренберг открыл в Одессе школу-студию «Свободная мастерская» и стал одним из организаторов группы «Общества Независимых» в Одессе, устраивавших свои выставки по принципу парижских Осенних и Весенних салонов. Поскольку над художниками левого склада тучи стали сгущаться, коллекционер и меценат Яков Перемен увез в 1919 году работы известных одесских модернистов на корабле «Руслан» в Палестину. Среди них было более 20 картин раннего Нюренберга и несколько «кубистских» натюрмортов его супруги По-

лины Мамичевой-Нюренберг.* До революции Нюренберг подумывал вместе с Переменом отправиться в Палестину, чтобы открыть там музей современного искусства, но поменял планы, став сторонником советской власти. Кроме того, от этого шага, равно как и от возвращения во Францию, Нюренберга могла удерживать ответственность перед собственной семьей. Он часто повторял: «Я – старший сын».

Примечательно, что Нюренберг никогда не рассказывал, куда исчезли его ранние работы. Или отмалчивался, или уверял, что собственноручно их уничтожил. Часть он действительно уничтожил, а о вывезенных за границу, тем более в Палестину, благоразумнее было забыть. Долгое время о картинах ничего не было слышно, и лишь после выставки в Израиле 2006 года вновь заговорили об «одесских парижанах». Для меня выставка «Одесские парижане» в Рамат-Гане явилась полной неожиданностью.

В 1920-м году Нюренберг переехал из Украины в Москву, где уже оставался до конца жизни. На то имелось несколько причин. Во-первых, в Украине сильнее ощущались последствия Гражданской войны: вначале Нюренберг был народным комиссаром искусств в Одессе, а затем скрывался от преследования белых. В Одессе, несколько раз переходившей из рук в руки, было не до искусства, а Нюренберг долго не мог оставаться без художественной работы. Во-вторых, его жена Полина Мамичева была москвичкой, и в Москве жили ее мать и сестры. В-третьих, к переезду подтолкнул и еврейский погром в Елисаветграде 1919 года, об ужасах которого Нюренберг слышался, когда посетил родной город. Его семья не пострадала, но погибло много друзей. Родители художника впали в депрессию, от которой мать не оправилась и умерла в 1922 году. Вскоре отец Марк вместе с другими детьми тоже переехал в Москву.

* Насчет авторства натюрмортов 1917-1918 гг. Полины Мамичевой-Нюренберг (1894-1978) существуют разные мнения. Известному одесскому журналисту Евгению Голубовскому она говорила, что работы были сделаны не ею, а самим Нюренбергом. В пользу этой версии говорит и выполненная в той же сложной кубистской технике картина А. Нюренберга «Старуха» 1917 г. из Тульского музея (недавно выставленная в Новой Третьяковской галерее), а также отсутствие сведений о существовании других, более поздних работ Мамичевой-Нюренберг.

Из Дневника А. Нюренберга:

«23 февраля 1922 г.

Сегодня уезжаем в Елисаветград.

Успокоить семью и поглядеть, какой холм земли над нашей дорогой матерью вырос.

Никогда уже мне не говорить «мама» или «мать».

Мать умерла 26 января в 6 часов утра, не приходя в сознание».

А. Нюренберг. *Одесса – Париж – Москва*, с. 272

В Москве 1920-х годов Нюренберг занимался живописью, преподаванием, литературной и общественной деятельностью. Он работал над агитационными плакатами под руководством В. Маяковского в «Окнах РОСТА», сотрудничал с группой «Бубновый валет», создал вместе с художниками С. Адливанкиным и А. Глускиным Новое общество живописцев (НОЖ), в качестве профессора ВХУТЕМАСа читал лекции по западному искусству, публиковал художественные обзоры в газете «Правда» и выпустил монографию *Сезанн* (М., ВХУТЕМАС, 1924).

После восстановления дипломатических отношений с Францией в середине 1920-х Нюренберг был на два года командирован наркомом образования А. Луначарским в Париж. Его роль «культурного посла» состояла в чтении лекций о новом советском искусстве и написании художественных обзоров для отечественной прессы. Были учтены его гражданская позиция, знание французского языка, умение писать и выступать, а также обширные контакты во французской художественной среде. Нюренберг отправился в Париж с женой Полиной и четырехлетней дочкой Нелей. Его пропагандистская миссия встретила достаточно прохладный прием, и Нюренберг переключился на занятия живописью и даже прошел строгий отбор для участия в Осеннем салоне. Старые друзья-художники, некоторые из которых уже вполне преуспели, уговаривали его остаться во Франции. В то время это еще не квалифицировалось в СССР как преступление. Но Нюренберг не решился на этот шаг.

В 1930-е годы Нюренберг активно участвовал в организации МОССХа, увлекся производственными сюжетами и ездил

Москва, 1924. Нюренберг с женой Полиной и годовалой дочкой Нелей

по стране с творческими командировками. Параллельно он много внимания уделял еврейским мотивам, создавая свой пожизненный цикл «Юдаика», состоящий из сотен работ.

При этом он никогда не забывал Украину. Он часто, обычно летом, приезжал с супругой в Одессу. В дневнике 1940-х годов Нюренберг приводил разговор с другом юности, тоже родом из Елисаветграда:

«Звонил Осмеркин,* любитель телефонных разговоров:

– Знаешь, побывал на юге и расцвел. Очевидно, мы, южане, нуждаемся в теплом воздухе. Другой тонус работы, другое состояние, пульс. Надо съездить туда и там работать. Художника все же тянет на родину».

О. Трифонова-Танган. Дневники художника Амшея Нюренберга. Часть 2. *Чайка*, 6.12.2015. <https://www.chayka.org/node/6871>

Нюренберг тоже считал себя южанином. Он плохо переносил бесконечную зиму, страдал от морозов. Пожилой художник часто жаловался на московские холода:

«Мне с моим атавизмом южанина очень трудно выдержать 6-месячную однообразную белую музыку...

Зима вызывает у меня двойное чувство. С одной стороны, ни с чем не сравнимая поэзия тихо падающего снега, заиндевелых бело-голубых деревьев, крыш, трамваев, авто. Белые туманы снежных далей...

* Александр Осмеркин (1892-1953) – художник, педагог, участник художественной группы «Бубновый валет». В 1947 году был отстранен от преподавания в связи с обвинениями в формализме.

С другой – нестерпимый холод в ногах, руках. Унылое, теплое белье, холодные бани, насморки, скованность, отсутствие в течение почти половины года травы, листвы. Вымороженное лето.

Все то, что Додэ* считал смертью. Хорошо было бы, если эта обязательная смерть тянулась месяц, ну, пусть два – не больше. Для искусства она не обязательна. Пример – греческая скульптура и итальянская живопись».

А. Нюренберг. *Дневник*, 1953 г.

А вот отрывок из письма Нюренберга доктору Циклису** в Одессу, 1950-е годы:

«В газетах читал, что от холода померло 200 французов. Если бы у них был такой мороз, как у нас, вероятно, вся Франция вымерла бы...

Теперь для меня уже ясно, что юмор может жить и развиваться только там, где нет лютых морозов. Недаром и наши юмористы: Гоголь, Чехов, Бабель, Ильф и Петров – южане».

Нюренберга всегда тянуло в теплые края, к морю. Приехав в Одессу учиться из степных краев в 1904 году, молодой человек был очарован морем, его меняющимся цветом и разным настроением. Свою первую и очень скромную комнату в Одессе он снял с видом на море, чтобы любоваться им каждый день. Художник часто писал морские пейзажи. Несомненное влияние оказали на него импрессионисты, в частности, Клод Моне. У Нюренберга тоже было много рыбацких лодок (по-одесски: шаланд), яхт, много голубого цвета – моря, неба.

В старости, когда он уже не отлучался из дома, Нюренберг развешивал морские пейзажи в своей комнате. Временами он их менял местами. Когда смотрел на них, ему казалось, будто он «дышал морским воздухом».

* Альфонс Додэ (1840-1897) – французский писатель, автор трилогии романов о Тартарене из Тараскона. Авторская орфография в именах художников сохранена.

** Илья Циклис (1878-1964?) – известный одесский врач-педиатр и меломан, с детства лечивший многих известных музыкантов. Учился в Париже, свободно владел французским языком. В шуточных письмах употреблял выражения на французском языке и идише.

1945. Лодки «Аркадия» и «Диана» на песчаном пляже, Одесса

Много было у Нюренберга и натюрмортов с рыбой. Это неслучайно, ведь его отец держал рыбную лавку. В выборе еды Нюренберг придерживался привычного с детства рациона. Больше всего любил жареную рыбу с картофелем фри (на французский манер). В Москве он пристрастился есть северную рыбу – навагу. Она упоминается даже у писателя Юрия Трифонова (1925-1981) – зятя Нюренберга, известного точностью деталей:

«Я открыл дверь своим ключом и вошел в квартиру. На кухне жарили навагу».

Ю. Трифонов (1969), рассказ *Путешествие*. <https://libking.ru/books/prose-/prose-rus-classic/56653-yuriy-trifonov-puteshestvie.html>

Другая южная привычка Нюренберга – есть арбуз с белым хлебом. Его племянница Айя*** рассказывала, что так было принято в Украине, а отец Нюренберга гордился своим знанием арбузов.

*** Айя Семынина (1937?) – художница, дочь художника Давида Нюренберга (Девинаова).

А. Нюренберг. Натюрморт с рыбой. 1956

В Москве он сам ходил на рынок выбирать для внуков самые спелые арбузы и очень огорчался, если ошибался в них. Нюренберг, вспоминая друга юности, художника П. Коновского,* описал типично одесское угощение:

«Петя любил одесское меню. Брынза, селедка, виноград, вино и белый сдобный хлеб» (А. Нюренберг. *Дневник*, 1953 г.).

В 1950-е годы Нюренберг с женой Полиной продолжал приезжать в Одессу на летние каникулы. В 1963 году в Одессе состоялась персональная выставка Нюренберга, а в 1965-м его пригласили на торжества по поводу 100-летия Одесского художественного училища. Именно во время этих посещений художник познакомился с молодым журналистом Евгением Голубовским,** который поддерживал с ним дружеские отношения, бывал у него в Москве.

Смерть в 1966 г. единственной дочери, певицы Большого театра Нины Нелиной, сильно надломила Нюренберга и его жену. Они перестали путешествовать, только иногда ездили в подмосковный Дом творчества на станции Челюскинская. Но встречи и переписка с друзьями продолжались. Украина неизменно присутствовала в его мыслях.

Во время моего визита в Киев в 2009 году я познакомилась со старшим научным сотрудником Национального художествен-

* Петр Коновский (1883-1953) – художник, коллекционер, педагог. Родился и умер в Одессе. Учился в Одесском художественном училище в классе К. Костанди. Позже занимался в мастерской у К. Коровина в Москве. Преподавал в Одесском художественном училище.

** Евгений Голубовский (1936) – журналист, культуролог, автор книг и статей. Заместитель редактора альманаха «Дерибасовская – Ришельевская», вице-президент Всемирного клуба одесситов.

ного музея Украины Людмилой Ковальской.^{***} В начале 1970-х ее делегировали к Нюренбергу, когда он начал распределять свои работы по музеям. Ковальская рассказала, что он забросал ее вопросами об одежде: «А эта косыночка у вас – с Украины, а сапожки – украинские?». Она не без гордости отвечала: «Нет, они – итальянские». Только позже она поняла, что старому человеку хотелось бы, чтобы она привезла ему с собой частицу Украины. Тогда же он показывал ей письма Марка Шагала. Ковальскую поразило, что тот спрашивал старого приятеля: «А как там, у нас?» – то есть Шагал продолжал считать Россию своей родиной. Такую важную роль играло для художника место, где он родился.

Свою богатую событиями жизнь Нюренберг описал в книге *Воспоминания, встречи, мысли об искусстве* (М., Советский художник), которая в 1969 г. вышла сокращенной на две трети. В СССР к современному западному искусству относились весьма сдержанно и избегали упоминать об эмигрировавших во Францию русских художниках, включая Марка Шагала. Так как воспоминания Нюренберга сильно отклонялись от общепринятой линии, в полном объеме их удалось напечатать только 40 лет спустя (*Одесса – Париж – Москва, Мосты культуры*, 2010).

Публикуемые ныне записи из дневников и переписка Нюренберга с Ильей Циклисом датируются 1950-1960-ми годами. В письмах слышны отголоски прошлого, сохранены колорит эпохи

А. Нюренберг. Одесса. Продавщицы цветов.
1959

^{***} Людмила Ковальская (1944?) – искусствовед, сотрудница Национального художественного музея Украины с 1967 г., позже заведующая отделом советского искусства.

и одесский юмор, который был сильно замешан на грусти: не все получилось, как хотелось.

Из дневников Нюренберга 1950-х годов

В Одессе, выставка Костанди, 1952

Идут дни чествования Костанди и выставки. Я получил пригласительный билет и нечто похожее на каталог. Выставку в музее в подготовительном виде я видел летом в Одессе. Отсутствуют наиболее тонкие, любимые мною вещи. Нет «Старичков», «На террасе» и других работ. Сейчас творчество Костанди звучит особенно мелодично и кажется цветущим садом. За 35 лет Одесса ничего равного этому творчеству не дала. И даст ли в ближайшем десятилетии? Да и в Москве я не встречал за 30 лет на выставках работ, которые так изучались бы, как небольшие картинки этого грека. Пишу небольшую статейку в «Венок Костанди».

* * *

Опять о Костанди. Получил, наконец, долгожданный и многострадальный каталог. Небольшое как будто бы дело, а сколько интриг, склок, связанных с ним.

Возмутило содержание каталога. Экскурсоводы слишком переоценили свои бедные знания и не в меру растущее тщеславие и в статье об одесском мастере пустили бестактную и глупую фразу: «Формалистическое влияние сказалось в известной мере и на творчестве Костанди». В чем? Ничего конкретного! Что касается влияния импрессионизма, то в этом вся природа и дух Костанди. До самой смерти он не разлучался с импрессионизмом. Вопрос только в том, с каким импрессионизмом он не расставался. Репин (пора знать этим развязным писакам), восторгаясь Костанди, хвалил именно его импрессионистские работы. Но весь «цимес» в том, что костандиевский импрессионизм был особенный – умеренный, камерный. Я бы сказал – «внутренний». Не как у Сурикова или у Коровина. Все его перлы, кроме 2-3 вещей, написаны под влиянием импрессионизма. Отвратно еще то, что, упоминая

учеников Костанди, эти глупые перестраховщики обошли такого культурного художника как Фраермана* и популярного в Одессе Мучника.**

Очевидно, игра в периферийную политику в Одессе пользуется среди любителей-искусствоведов немалым успехом. Пора понять им: *импрессионизм Костанди – это импрессионизм плюс человек. Человечность и гуманизм.* Поймут ли это?

Об Одессе, 20 июля 1952 г.

Подходят конец июля и начало августа. Стали собираться в Одессу, но тонуса нет.

Начинаешь по привычке подумывать об Одессе и близких друзьях-одесситах. Хочется им говорить радостные слова. Верить в то, что нам еще отпущены светлые дни с яркой синевой над головой, веселые часы сердечных, дружеских воспоминаний, бесед о юности, незабываемые часы на берегу вечернего моря, после них арбуз с белым, мягким хлебом и мягкое бессарабское вино. Но не получается. Ручка не следует за мечтой. Получается что-то другое, невеселое. Я хочу написать: «Есть еще порох в пороховнице», а ручка выводит: «Брось, старик, хвастаться. Не до этого». Мозг диктует: «Мы еще поборемся, легко не сдадимся». Ручка пишет: «Не трепись зря».

Каждый следующий год – прогрессирующая нагрузка на все наше здоровье, тело. Идет неослабное разрушение организма. Никакие усилия, дома отдыха и витамины не могут приостановить этот печальный процесс. Надо примириться с этим и свой оптимистический пессимизм приладить к общему закону отмирания. Пора это сделать.

Последние годы особенно оказались безжалостными. Стало как-то ясно, что мы совершенно не бессмертны, и что свою капитальную партию мы можем только доиграть. Ни о какой новой партии не может быть и речи.

* Теофил Фраерман (1883-1957) – художник, педагог, ученик Костанди, «одесский парижанин» и лидер одесского Общества независимых художников.

** Мучник Леонид (1896-1966) – живописец, ученик Костанди, профессор Одесского художественного института.

Порой кажется, что свидание с друзьями – последнее. Что в бутылках наших не осталось уже ни одной капельки вина. Все уже выпито.

Особенно это чувствуешь в этом году, когда смерть так энергично и урожайно поработала. Сколько жизней, интересных, глубоких, она унесла. Исчезают быстро, молниеносно. Все инфаркты и инсульты! Модные болезни!

Уходят и тут же на второй день забываются. Будто корова языком слизнула.

Наблюдается характерное явление. Все знакомые художники хватаются за крупинки надежды подкрепить свое расшатанное здоровье. Бегут в санатории, Дома отдыха. Ясно одно – никому не хочется помирать. Хотя шутники говорят, что «там» уже не так плохо, раз оттуда никто не приходит назад. Каждый цепляется за любую возможность отдохнуть, подкрепиться, помешать «перевести свою вертикаль в горизонталь».

Мой друг врач Цапман (разумеется, коренной одессит) заявляет, что три вещи надо помнить: диету, тепло и покой. Это должно стать Евангелием для всех пожилых художников.

По дороге в Одессу. Брянск

В Брянске на берегу моря я встретил одного седого художника, который мне рассказал свою тяжелую трагедию. Он долго и много работал и много голодал. Разуверился в людях и своем искусстве. И в один из сильных припадков безверия и отчаяния собрал все свои работы, погрузил их на лодку и отплыл далеко вглубь моря. Там он все холсты и фанеры связал веревкой, к веревке привязал большой, имевшийся на лодке камень и бросил их в воду. Теперь ему стало легче. Он ходит к морю, своему единственному другу, и возле него отдыхает. Теперь оно кажется ему дорогим кладбищем, где похоронены его страсти и надежды.

20 сентября, Одесса

Брожу все по знакомым, некогда близким, местам. Тень горечи лежит на всех моих воспоминаниях. Порой беру с собой друга или свидетеля веселых дней юности. И оба, стараясь не думать о наших грустных паспортах, отгоняя мрачные мысли, навязан-

ные неотвратимым прошлым, стараемся улыбаться и шутить. Вот мост Сабанеев и дом Толстых, где столько было пережито, столько накоплено: страданий, волнений, надежд. Отсюда началась моя первая советская жизнь комиссара. Двери, строгие окна, носящие отпечаток заброшенности.

Полный грустных воспоминаний мост, спуск к морю.

Что-то чувствуется неуловимо теплое, пульсирующее, присутствующее местам, овеванным героическим прошлым. Неподвижностью и одиночеством окутано здание Художественного училища. Здесь был неизменный нерв всей разросшейся потом работы, душа всей одесской изожизни. Здесь происходили первые диспуты, споры на самые разные темы грядущего советского искусства. Густые гирлянды дикого винограда закрыли окна этого невеселого здания. Далекая жизнь запечатлена в форме дворика и ворот. В памяти эта жизнь кажется уже настолько потухшей, что надо делать большие усилия, чтобы кое-что вспомнить.

Порт! Вот волнорез, разрушенный маяк, опустевшие причалы. Неясные, бесцветные, без отражения погруженные в сонные воды.

Москва

Мастерская. Погода. Отдыхаем от поездки на юг. Кровать, книги, уютные кресла, варенье...

Петя Коновский

Приезжал в Москву умирающий от рака Петя Коновский. С его именем связаны мои юность, надежды, искания, Одесская художественная школа...

Петя был для меня символом юности, первого цветения. Вспоминаю, с какой волнующей радостью мы усаживались в его гостеприимное кресло в незабываемой квартире и всласть отдавались воспоминаниям. Он умел со сдержанным, мягким юмором рассказывать о давно прошедших днях, наделяя их теплым и радостным сиянием. Ни одна деталь не оставалась за пределами его ума и сердца!

На вокзале я обнимал высохшего старичка. Тихим, сдавленным голосом он мне сказал: «Теперь, Амшей, пан или пропал».

И он пропал. В страшных мучениях. Умер с голоду. Даже вода не проходила через его пищевод.

О Коновском

Я предчувствовал: раз закрытое письмо от Коли Юхневича,* значит что-то печальное о тяжелобольном Пете Коновском. И не ошибся. Пети нет и никогда уже среди нас не будет.

Одесса теряет для меня еще одну грань. Петя был для меня «золотой молодостью», когда я вступал в жизнь и впервые знакомился с нею. При встрече и разговорах с ним я открывал истлевшую уже книгу, перечитывал угасшие главы и переживал овечье-весеннее прошлое. Вызывая наше прошлое, мы его задерживали, греясь в его тени. Радовались, что жизнь нас не лишила этих чувств.

Сколько раз к нам являлась юность, вызванная силой наших мыслей? То мы в школе за партой, то мы за мольбертами, пишем нагую модель. Насытившись воспоминаниями, мы умолкали. Затем, чтобы развлечься, мы брались за ужин.

Петя любил одесское меню. Брынза, селедка, виноград, вино и белый сдобный хлеб. Угощал он тепло, искренно, сердечно приглашая есть вдоволь. Это был момент взволнованный:

– Бери, друг, еще! Ужин очень скромный. Купить хороших вещей нелегко. Трудно.

Потом опять воспоминания о юности, опять разговоры о живописи. Показ вещей и работ, связанных с молодостью.

Юхневич пишет, что он умер от рака пищевода. Умирал долго, мучительно, что самое страшное – умер от голода.

* Николай Юхневич (1886-1966) – в 1910-х участник одесской художественной группы «Независимые», позже врач-кожник, доцент Одесского медицинского института, о котором Нюренберг упоминает в своих мемуарах.

«К этой плеяде медиков-художников надо отнести и профессора-кожника Николая Юхневича, бывшего члена общества «Независимых». Юхневич большой и тонкий поэт. Пишет портреты, пейзажи и натюрморты. Его пастели свидетельствуют о высокой живописной культуре и большом вкусе. Он много рисовал. Его рисунки выразительны и полны жизни. Он также успешно работал в области карикатуры» (А. Нюренберг. Профессора медицины – художники. В кн.: А. Нюренберг. Одесса – Париж – Москва. М., Мосты культуры, 2010, с. 232).

Юхневич – Нюренбергу, Одесса, 19 февраля 1953 г.

Дорогой Амшей!

Помоги Пете** возможно скорее попасть в Онкологический институт, а если возможно, в первый же день приезда.

Сегодня был получена телеграмма от Герасимова о том, что министр здравоохранения СССР предлагает обеспечить отправку Пети в московский Онкологический институт. Так что с этой стороны все обеспечено.

Милый друг! Одним словом, обеспечить, возможно, скорое поступление Пети на койку, так как поездка затянулась, потому что Петя сильно ослабел, сейчас немного окреп и чувствует себя лучше.

Мы просим, чтобы ты почаще бывал у него в институте и нас извещал о том, каково его самочувствие, как подвигается лечение. Поддерживай в нем бодрость и веру в выздоровление. Это имеет большое значение для его общего состояния.

Наши здоровы, обнимают и целуют всех вас.

Пиши, пиши почаще.

Юх...

Из переписки с Ильей Циклисом

Из воспоминаний Елены Колтуновой***

Илью Ефимовича Циклиса хорошо знала не только я. Его практически знала вся Одесса. Он был знаменит не только как замечательный детский врач.

Не было ни одной театральной премьеры, ни одного приезда гастролеров, ни одного конкурса, на которых бы не присутствовал Илья Ефимович. На конкурсах он обязательно бывал членом или председателем жюри. Невысокий, полноватый, с седой бородкой и с неизменной толстой тростью в руке – он казался неотъемлемой частью любого культурного мероприятия города. Утверждают, что он не пропустил театральной премьеры даже

** Петру Коновскому.

*** Елена Колтунова (1934) – физик, журналист и литератор, до 2013 г. работала в одесском еженедельнике «Порто-Франко».

Профессор Илья Циклис, Одесса, 1960-е годы

в тот страшный день, когда под Канашем (станция между Бугульмой и Казанью) погиб его младший сын Рафаил. Илья Ефимович любил артистов, лечил их, дарил цветы. Таким его вывел в своей оперетте «Дарите любимым тюльпаны» А. Губерман. Музыка к оперетте написал О. Сандлер. Она была поставлена в 1957 году и долго шла с большим успехом.

Е. Колтунова. Словесный портрет. Порто-Франко, № 45 (841), 17.11.2006.

Из воспоминаний Валентины Голубовской*

Однажды по Гипрограду пронеслась всех ужаснувшая весть: «В самолете разбился

Рафа Циклис!». И непременно звучали слова: «Как это горе перенесет Илья Ефимович?!».

Я не могу похвастать, что хорошо знала отца Рафаила Ильича, Эддочкиного дедушку, Илью Ефимовича Циклиса. Даже часто бывая в их доме, мы, молодые, общались между собой, не очень мешая доктору. А доктор Циклис был легендарной личностью. Даже в самые трагические для него дни Илья Ефимович не изменял своим правилам. Кресло у бокового прохода в филармонии, кресло доктора Циклиса, никогда не пустовало. Очевидно, музыка для него была спасением. Не знаю, с детских ли, с юношеских ли лет дружил Илья Ефимович со знаменитыми артистами и, прежде всего, с великими музыкантами. Эдда рассказывала, что дедушка, сокрушаясь, ей говорил: «Эддочка,

* Валентина Голубовская (1940-2018) – искусствовед, писатель, преподаватель, жена журналиста Евгения Голубовского, несколько лет работала с сыном Ильи Циклиса Рафаилом и дружила с внучкой Ильи Циклиса (дочерью Рафаила) Эддой.

у меня нет наследства, которое бы я тебе оставил. Но, может, ты своему будущему мужу будешь рассказывать, что в младенчестве, в дедушкином доме, сидела на коленях у Давида Ойстраха и Эмиля Гилельса».

В. Голубовская. Эссе об Одессе (Гостиная, gostinaya.net).

Из воспоминаний А. Нюренберга

Заболевая, мы обращались к известному доктору Илье Циклису – неизменному другу музыкантов и художников, которых он бесплатно лечил, согревал морально, а иногда и поддерживал материально. Это он выпестовал и воспитал наших известных музыкантов: Ойстраха, Гилельса и Марию Гринберг.

Циклис недавно умер. Ему было восемьдесят шесть лет. Его хоронила вся любившая его Одесса, пришедшая на похороны с печальными, влажными глазами и с большими букетами цветов...

Молдавская беднота, которой Циклис отдавал свое сердце и очень часто свои сбережения, приехала на улицу Розы Люксембург, где жил и работал Циклис, чтобы попрощаться с ним. Он умер, как и жил, – просто и философски. В предсмертные минуты он душевно попрощался с лечащими его врачами и друзьями, повернулся к стене и сказал: «Все кончено».

А. Нюренберг. Доктор Циклис. Там же, с. 232.

Циклис – Нюренбергу. Телеграмма 12 апреля 1946 г. (с добавленными знаками препинания)

Куда: Москва Верхняя Масловка, д. 15, кв. 59

Откуда: Одессы мамы

Эйл Мейлах, Качке Дрейлых

а нехтердекр тог унд майне цорыс ойф зеер коп

Благодарю за высоковольтажные, гиперхохмические поздравления, носящие определенно профетический характер. Обрато поздравляю колхоз Амшеевку-Полиновку. Желая всем расти, как кукуруза, пахнуть сиренью и плодоносить, как... сами того хотите. Аминь! Привет от земляков-однополчан.

Доктор Айболит

Нюренберг – Циклису, Москва, январь 1954 г. (черновик)

Мой дорогой друг Илья Ефимович,

Я с большой радостью Вас обнимаю и с нескрываемым темпераментом целую Вас в обе юношеские щеки (рот Ваш прикрыт романтическими усами). Нет у меня таких возвышенных и горячих слов, которыми я мог бы передать переживаемые мною чувства, вызванные Вашими именинами. И потому я так охотно хватаюсь за вино. Оно мне поможет. Опять за Вас! Лэхаем! Лэхаем*!! Так вот евреи тоже становятся пьяницами.

Откровенно говоря, у меня одно замечание. По тактичности о нем надо было промолчать, но сильный сейчас зуд в руке толкает меня писать.

Почему это, дорогой именинник, Вы выбрали такой холодный месяц для своего рождения? Как Вам известно, январь – время неуютное. Время, когда природа к человеку повернута самым неблагоприятным местом и ведет себя крайне недостойно, нагло демонстрируя свое равнодушие ко всем нашим несчастьям и страданиям. Конечно, самое неприятное то, что имениннику негде купить знаменитых подарочных арбузов и дынь. Другое дело – лето. Можно все и легко достать. Пожалуйста. Хотите цветов, мороженого всех видов, «пшенки» в сливочном масле! Наконец, если вы нежно любите природу, можно съездить в Аркадию и на самом берегу одесского моря в небольшой поэтической компании спеть какую-нибудь задушевную песенку: «*А бривене ды мамы*» или «*Солнце пызенка*».

Мало ли, что можно. Но в такой торжественный момент я не хочу с Вами спорить. Январь, так январь. Очевидно, у Вас были какие-то веские соображения.

И опять зудит мысль. Ну что можно, скажите, купить имениннику в январе? Чтобы было красиво, эффектно и, разумеется, ненакладно для дарящего. Укажите!

Скажете – шампанское. Это уже банально. Торт с трогательной надписью и цветочек – пошло. Бублики с маком – плебейское дело. Может, бордовый шелковый галстук с голубенькими горошками – на это способны несвежие девственницы.

* Лэхаем (иврит) – в переводе: «к жизни». Этим словом обычно заканчивали тосты с пожеланием благополучия, долгих лет жизни.

Видите, друг мой, как трудно зимой успешно повернуть именное дело.

Вот почему я отделяюсь письмом, стараясь щедро снабдить его повышенной чувствительностью.

Итак, еще раз, мой юный друг, Лэхаем! И еще раз Лэхаем!

Дайте Ваши юношеские щеки и гордый еврейский лоб!

Дай Бог Вам всего светлого и счастливого!

Всегда с Вами, Амшей Нюренберг

Нам с Вами почаще следует поглядывать на бутылку с вином, осталось немного на дне.

Надо пить осторожно и с тактом.

Циклис – Нюренбергу. Открытка 21 октября 1956 г.

От кого: Одесса, Р. Люксембург, д. 40, 21 октября 1956 г.

Кому: Москва, Верхняя Масловка, д. 15, кв. 59, Нюренбергу А.М. 21/X/56

Дорогой Амшей!

Держа в руках мою открытку, ты вправе проговорить: «Гора родила открытку». Хотел сказать «мышь», а вышел пшик. По причине, «особой» причине я долгое время никому не писал. Рука не доходила до увечной ручки. Сегодня снят мораторий, и я, как видишь, подаю признаки жизни. И, как паяц в прологе, пою: «Итак, мы начинаем!» Все твои письма я храню, инвестирую и прячу в моем сейфе, как ценность, как эпистолярную, так музейную, как годное для специального чтения, вроде писем Тургенева к Виардо, Чайковского к фон Мекк. Хочу знать, удалось ли мне довести тебя до известного состояния? Посетил ли тебя мой племянник? Передал ли он тебе среднеазиатские плоды? Я готовлю много народа для доставления тебе радости и увеселений.

Все наши Борис Берклович, Эдда и Юрий кланяются. Привет Полине и чадам. И. Е.

Р. S. Погода чисто весенняя. Ни тебе весеннего платья, ни себе головной убор. А мехас!

Нюренберг – Циклису, Москва, 1950-е годы (черновик)

Мой дорогой южанин!

В троллейбусе студенты на заиндевевшем окне двугривенником нацарапали: «Мужайтесь, москвичи, скоро весна». Потеплело.

Хочется в Одессу слетать. Надо спешить. Может, через год-два вы откажетесь нас принять. Мы стареем с невероятной быстротой и лишаемся последних остатков «шарма». Скоро мы будем представлять собой гнетущее зрелище, и в друзьях и близких вызывать будем одну плохо скрываемую жалость. Вот почему мы торопимся к вам. Пока еще в наших глазах светится огонек. И спина и колени не согнуты...

В газетах читал, что от холода померло 200 французов. Если бы у них был такой мороз, как у нас, вероятно, вся Франция вымерла бы... Теперь для меня уже ясно, что юмор может жить и развиваться только там, где нет лютых морозов. Недаром и наши юмористы: Гоголь, Чехов, Бабель, Ильф и Петров – южане.

Все болеем. Полина хочет на месяц снять комнату на 200 руб. Нужно ли с собой, кроме денег, такта и любезности, еще что-нибудь захватить? До начала мая будем в Москве. Снежков и Фраерман давно не пижут. Что с ними?

Твой Амшей

Циклис – Рахлину. Рекомендательное письмо 20 октября 1958 г.*

От: Одесса, ул. Розы Люксембург № 40, кв. 3, 20 октября 1958 г.

Личная печать: Доктор Илья Ефимович Циклис. Ул. Розы Люксембург, № 40, кв. 5.

Одесса, 20/X/58.

Дорогой Натан Григорович!

Першим долгом, поздравляю с новосельем! И желаю, чтобы старое пожелание: «Мешаны мукойм – мешаны маззл» сбылось на все 100%! УМЕЙН!

А вдруге, познакомьтесь с Нелли Неллиной, дочкой моего дорогого друга Амшея Марковича Нюренберга – художника из стаи славных.

Наша Нелли имеет все данные, чтобы вы уделили ей много внимания, столько же забот и даже немного любви.

* Натан Рахлин (1905-1979) – дирижер, педагог, народный артист СССР, профессор Казанской консерватории, часто посещавший Одессу с концертами. Циклис ходатайствовал о дочери Нюренберга, певице Н. Нелиной, уволившейся из Большого театра.

Я уверен, что Вы выполните мою бакушу! Хай отец Нелли напишет Вам портрет маслом или сангиной (что ему очень удается) и выставит его на художественной выставке. Получите для своего салона мастерский портрет.

Вчера мы открыли сезон в Филармонии 9-ой симфонией Бетховена. Дирижировал Пресич А.С. с хором Свешникова. Получилось хорошо.

Когда мы Вас увидим и услышим? И что Вы нам привезете?

Я слыхал, будто Вам предстоит заграничная поездка. Если попадете в Париж, передайте ему мой пылкий привет, так само и от отца Нелички: мы оба там учились.

Я, как будто, собираюсь на гастроли в Москву. По приезде постараюсь Вас увидеть, услышать, обнять и поцеловать, а если нужно, то и поликувати.

Итак, дорогой мой друг, выслушайте и помогите. Целую в обе щеки.

Ваш И. Е.

Р. С. Привет Вам от профессора Сигала и от Яши Жабокруга. При частых встречах наших в Филармонии мы часто вспоминаем Вас и фантазируем.

Циклис - друзьям о гибели в авиакатастрофе младшего сына Рафаила, без даты**

И.Е. Циклис

Я писать не в состоянии. Не могу сосредоточиться, не в состоянии соображать и писать одновременно. Прибегаю к пишущей машинке и к добрым услугам близкого и дорогого мне человека, пережившего с нами все наше горе.

Как это произошло?

Рафа был в командировке Одесса - Москва - Иркутск, отсюда в Усsole 70 км. В Иркутск он прибыл на ТУ. Телеграммой он известил нас о своем благополучном прибытии, и это была от него последняя весточка. Я и Эддочка были совершенно спокойны

** Катастрофа авиарейса Пекин - Москва с промежуточными посадками в Сибири произошла 17 октября 1958 г. В письме, напечатанном на машинке, указано «сегодня ровно месяц», то есть оно написано 17 ноября 1958 г.; Нюрнбергу была послана 3-я копия.

в ожидании телеграммы из Москвы о благополучном прибытии, а Нема,* наоборот, все время была беспокойна; она ныла, у нее были какие-то предчувствия, ей очень хотелось телеграфировать в Иркутск воздержаться от полета в Москву на ТУ-104. Как жаль, что она со мной не поделилась этими мыслями. При всем своем рационализме и неверии в предчувствия и в потусторонний мир, я все же убежден, что контакты с близкими людьми существуют, если они даже отделены друг от друга на много тысяч километров. Почему телевидение нам понятнее, чем телечувствование?

Я прерываю свое «повествование». Вспоминаю лекцию знаменитого профессора по физиологии Шарля Рише. В 1903 году я слушал его курс. Вот что нам рассказывал этот профессор с мировым именем. К нему пришла его знакомая поделиться своим горем: сын ее, офицер французской армии, воевал в Индо-Китае. И вот, в один не прекрасный день, думая о нем, она услышала его голос: «Мама, я погибаю». Она запомнила точно день и час этого разговора со своим сыном. Через некоторое время мать получает известие из воинской части, где служил ее сын, о том, что в такой-то день, в таком-то часу сын ее пал смертью храбрых, сражаясь за Францию. Даты совпали.

19 октября все прочитали правительственное сообщение о том, что ТУ-104, возвращавшийся из Пекина в Москву, потерпел крушение где-то в Чувашии. Назначена была правительственная комиссия для выяснения причин катастрофы. И даже сейчас мы почти не волновались за судьбу Рафы, ибо были уверены, что на самолет, идущий из Пекина в Москву, частных пассажиров не брали. Но на службе, под влиянием наших переживаний, телеграфно запросили Усsole и получили ответ, что Рафа выбыл 18 числа. Нема не успокаивалась и заявляла, что она не верит этой телеграмме, что предчувствие ее не обманывает, а я и Эддошка – мы продолжали оставаться оптимистами. Наконец-то все стало ясным. Московский аэропорт запросил Одессу, как родные хотят хоронить погибшего Рафаила Циклиса. Рекомендуют кремацию и урну. Об этом запросе нам стало известно от старшего брата, старшего сына. Не трудно себе представить, что выражало его лицо, когда он поделился с нами содержанием этого кошмарного

* Нема – невестка И. Циклиса, вдова Рафаила.

вопроса... Плач, слезы, рев, вой... все это было. Мы этого никогда не забудем. Все время нас посещало большое количество народа: родные, близкие, друзья, товарищи, хорошие знакомые. Взрывы воя и плача раздавались беспрерывно, с каждым приходом нового лица. Беспрерывно звонили в двери и в телефон. Каждый требовал ответа, каждый хотел знать причину, детали и что будет дальше.

Итак, нам уже стало известно, что самый близкий друг Рафы – Котя Пугач, находившийся в эти дни в Москве, занялся «оформлением» превращения того, что осталось от Рафы, в пепел, в урну... А ведь представившаяся нам возможность достичь такого результата для нас уже казалась «счастьем», в то время, когда мы были уверены, что от крушения самолета, находившегося на высоте 10 тысяч метров, из-за встречи с циклоном ничего не могло остаться для нас. Нас ведь уверяли, что злосчастный ТУ должен был сгореть в воздухе. В связи с такой версией Нема не переставала жалобно вторить: «Без могилки». И вот я, со свойственным мне неумным оптимизмом (после того, как нам так «повезло» с урной), стал успокаивать Нему и Эддочку: «Есть урна, есть могилка. Захороним Рафу в могиле его матери». Выходит, что мы еще не такие несчастные...

Я хочу отметить поведение Эддочки в эти дни. Она не рыдала и не плакала навзрыд, как я с Немой. Все время она не отходила от нас. Своим присутствием и нежной лаской она пыталась успокоить нас. И это ей удавалось. Мы сдерживались, глядя на осиротевшего ребенка. Я серьезно говорил всем, что Эддочка была для нас в эти жуткие дни настоящим ангелом-хранителем, слезотушителем. Никто из нас, глядя на нее, не разменивался на дешевые, трафаретные жалобы и слова.

Много народу нас посетило в эти дни, когда мы были в ожидании прибытия урны. Их приход значительно способствовал нашему успокоению. Они как бы впитывали в себя всю нашу тоску, печаль и слезы. Пришли директор Гипропрома А.С. Мертенгран и главный инженер Я.М. Мараховский. Как должно быть тяжело людям, пришедшим тебя утешать, вести разговор в тоне, не берящем твои раны, и даже успокаивающем. Они нас не утешали и только спокойно рассказывали, каким Рафа

был человеком, как он работал и как любил своих сослуживцев, как его любили и чттили на работе. Во время разговора с ними я заверил их, что, несмотря на мое состояние, я выполню обещанное: обеспечу программу предстоящего вечера в честь Октября, как обычно. Мои друзья артисты, главным образом из музыкальной комедии, явятся в полном составе, но, конечно, я не смогу конферировать... На это я выслушал ответ, глубоко взволновавший нас всех: «Гипропром в трауре, никакого вечера не будет!». И тут же было сделано предложение Неме перейти к ним на работу. Поговорили о предстоящих похоронах. Мне было предложено высказать свои пожелания и обещано было поступить, как я решу. Я предложил следующее: забрать с аэродрома урну и венок от Управления гражданского флота. Это поручается выполнить брату моему Марку Ефимовичу и трем товарищам Рафы, при участии представителя Гипропрома. Отсюда эта группа добирается окольными путями до интернационального кладбища. Мы являемся на кладбище ровно в 2 часа и вслед за нами привозят урну. Моя просьба, чтобы не было никакой помпы, никакого парада, ни музыки, ни цветов, ни венков. Не все меня понимают. Многие даже порицали и протестовали – какое, мол, я имею право лишать кого бы то ни было возможности выявлять свое горе, как ему это кажется лучше, как это обычно полагается и делается. Я предвидел, что наше злое несчастье не может не привлечь большого количества людей, среди которых найдется немало чужих и чуждых, просто любопытных зевак, старающихся заглянуть не только в лица, но и в душу... Я еще боялся, чтобы оформление похорон не приняло характер гротеска.

Последний этап. Всем было сообщено – сбор в 2 часа на интернациональном кладбище; урна будет захоронена в могиле матери. Близкие и родные собрались у нас дома. Три автобуса, переполненных самыми близкими нам людьми, отвезли нас на кладбище. Народу было много. Он состоял из людей, переживавших большое горе. Слезы были на всех лицах. И это было то, что мне было нужно. Ибо, когда меня спрашивали, как быть, если я отвергаю цветы и венки, то с чем же прийти на кладбище?! Я отвечал: «Со слезами, принесите с собой ваши слезы». Впереди нас как бы вырос изящный постамент с прикрепленной

к нему черной лентой, урной. Ее носили друзья. Остановились. Мы услышали скорбную речь Я.М. Мараховского. Последнее прости от имени Гипропрома. Вслед за ним прорыдал свое слово Витя Хаселев. Пошли дальше к могиле. Урна была снята с постамента и передана мне. Крепкими руками я прижал ее к себе и прикоснулся губами к холодному светло-зеленому мрамору. Целовали его все, окружавшие меня: Нема, Эддочка, Мося, Герта, брат мой, Аня – его дочь и все друзья, жившие с ним столько лет одной жизнью. Мы вплотную окружили могилку матери. Под белым мрамором – памятной доской, было начертано «Ольга Циклис», а немного ниже: «И чем больше без тебя, тем ты нам дороже» (как эта, набранная курсивом фраза соответствовала нашим переживаниям!). Под этой мраморной плитой нашел свой приют Рафа – наш дорогой Рафочка... С 1945 года до кануна своего рокового отъезда дорогой Рафик не раз читал эту фразу, посещая могилку матери. Кто мог думать, что он читал свою эпитафию! Заранее приготовленный склепик стараниями тех же друзей и сослуживцев – Дрикера, Воскова, Кантора и других должен был принять все, что осталось от нашего дорогого, лучезарного Рафочки. Перед тем, как передать урну Нюме Квитко для опущения в склеп, я высоко ее поднял над своей головой и в каком-то, несвойственном мне театральном жесте, показал ее всем, всем, всем...

Мы долго оставались у могилки, не хотелось уходить от места, где покоятся два дорогих нам существа. За короткое время могила украсилась белыми цветами – хризантемами. Их осторожно передавали из задних рядов. Вскоре из них образовалась целая горка. Из тех же задних рядов так же незаметно появились три венка из живых цветов с черными муаровыми лентами с подбавляющими надписями – от Управления гражданского флота, от Гипропрома, от соседей по даче «Трудовой отдых». Возвращаясь домой, мы повстречали много друзей. Нас останавливали, крепко жали руки, целовали и вместе с нами плакали. Нему, Эддочку и меня отправили домой при помощи Шуры Радчика и Мили Байтальского.

Дома мы застали обычную домашнюю обстановку, много фотокарточек Рафы из разных периодов его жизни и хризантемы в вазах. Вскоре прибыли и все наши близкие друзья и родные.

Сегодня ровно месяц! Все это время нас окружают теплота и забота наших друзей. Непрерывные звонки, телеграммы и письма с надрывным текстом, и визиты близких нам людей, нуждающихся сами в том, чтобы себя облегчить от своей тоски и печали, и нас отвлечь от нашего горя.

Вот уже месяц, как мы осиротели. Что бы мы делали без отклика и сочувствия и без Лизы – легендарной тетки?! С ее приходом из Ленинграда наша жизнь вошла в колею, обильно орошенную слезами. Наш дом сейчас настоящий улей. Приходят и уходят близкие нам люди – больше всего к Неме, приходят ко мне, приходят к Эддочке. У каждого одна цель – успокоить, отвлечь. Но как часто приходится обмениваться ролями и брать на себя роль утешителя. Ведь почти у каждого есть свое горе, свои свежие раны, свое кладбище. Вечерами собираются все родные: Мося с Гертой и Шуриком, Сима Рихтер (племянница), родители Немы, брат мой Марк с дочерью Аней, Байтальские, Хаселевы, Гейберы, Бриллианты, Котик Пугач с Люлей Скорниковой, Изя Копельман с Мартой Дьяченко, Изя и Шура Шапиро, Володя Радчик с Неллей, Шура Радчик с Клавочкой, Квитко Наум и Зиночка Курянская, Шерстинские, Топуз Геня с Зоей, Боря Канер с Лизой, Аронин Алик с Галей, Якубсоны, Нудели, Сема Горовиц с Раей, Дэва Бельфор с Лидой, Гликины – и многие другие. Эддочку окружают Вика, Толлик Шапиро, Петя Гейбер, Адочка Нудель, Милочка Якубсон, Жанночка Гликина.

Три потока друзей. Каждый из них старается выполнить тяжелую роль утешителя. Что бы мы делали без помощи наших друзей? Большинство из них пытается нам внушить, что все от Бога, что от судьбы и рока не уйдешь. Приводят даже разительные примеры, подтверждающие их слова. Например: шел старик по улице, зазевался и попал в сетку проходящего трамвая. Оттуда его вытащили, слегка помятого. От помощи посторонних он отказался и продолжал свой путь от Дерибасовской до Садовой. Сердобольные люди все же следили за ним. И вдруг, на их глазах старик, проходя под балконом, падает замертво – на него обрушился ветхий балкон. Второй случай, долженствующий меня убедить в том, что от судьбы не уйдешь, следующий: это было в Севастополе во время последней войны. Какой-то врач

получил распоряжение погрузиться со своим подразделением на какой-то пароход. Но он опоздал, и пароход успел уйти. Тут же найден выход из положения – нагнать пароход машинами вдоль побережья Ялты. Добрались до Ялты задолго до прибытия парохода. Благополучно погрузились. Приказ выполнен. При выходе парохода из порта плавучая мина сделала свое дело... Выходит, что погибшие гнались за своей смертью. Судьба, Рок... Таких слушаев много. Но это не решает дела. Вера в фатум, предопределение не в состоянии успокоить, облегчить и объяснить. Я вспоминаю, что ровно за неделю до прибытия урны мы хоронили близкого нам человека – Софью Семеновну Валабан. Я оторвался от ее могилы и пошел к могиле Оли и занялся там очисткой цветничка от опавших на него осенних листьев. Вскоре подошел ко мне Миля Байтальский и стал мне помогать. Подошла и Нема и оторвала нас от этого дела со словами: «Не стоит трудиться, ведь листья будут падать по-прежнему...» И ровно через неделю, в следующее воскресенье, этот цветник был разрыт для устройства в нем склепика...

Что же произошло? Я стал искать объяснение происшедшему в Экклезиасте, приписываемом мудрому царю Соломону. Я открыл наугад Пятикнижие и в главе VII прочел: «Доброе имя лучше хорошего елея, и день смерти лучше дня рождения».

По свойственному мне неисправимому оптимизму, любви к жизни мне концовка этой фразы неприемлема. Я вычитал, не помню у какого автора, следующую мысль: «Я люблю людей и звук человеческих шагов. Благо людей – мое благо. Боль людей – моя боль». Это самая глубокая из человеческих истин. Эту истину я приемлю. Еще я познал в эти сумрачные дни, что значит человеческое тепло. Эльза Триоле говорит: «Пусть дождь, пусть ветер – нет ничего дороже человеческого тепла».

Поэт Павел Антокольский написал поэму «Сын», посвященную памяти младшего лейтенанта Владимира Павловича Антокольского, павшего смертью храбрых 6 июня 1942 г. Я эту поэму читал уже давно, а теперь ее снова прочел. Я в ней нашел очень много сходных положений. Хорошо у него сказано:

Стал мой ребенок облаком летучим.
В нем каждый миг стирает что-нибудь.

Я написал бы иначе: «Стал мой ребенок весной мне навсегда прошедшей». А самое злое несчастье я характеризую так: стерт с лица земли, с высоты 10 тысяч метров, от встречи ТУ-104 с циклоном – стерт мой сын, мой ребенок Рафа... Мы всю жизнь будем помнить его светлый образ, который я хочу сравнить с цветком эдельвейсом-подснежником.

Я кончаю свою печальную повесть словами Павла Антокольского:

Не сын тебе, а ты ему наследник.
Вы поменялись местом, он и ты.

Нюрнберг – Циклису [Москва, 15 августа 1959 г.] (отрывок черновика)*

...вдохновленный иллюзорной верой в человечество, всю жизнь жалел и лечил людей, наивно полагая, что на старости они ему заплатят хотя бы жалостью.

Второй текст:

В этом доме (на втором этаже) жил, старел и размышлял И.Е. Циклис. Он прославился мудрой простотой, неунывающим сердцем и избытком в старости пинков, полученных от людей, которым он делал добро.

Третий текст:

В этом доме жил И.Е. Циклис, который умел улыбаться и, как Франс, верил, что ничто не совершенно, кроме несчастья.

И последний текст:

В этом доме, в ранние годы И.Е. Циклис, в поисках счастья личного, страстно обнимал одну из очередных девушек и в минуты любовного упоения (не теряя чувства возвышенного) мечтал о счастье для всех людей.

Если эти тексты Вас, дорогой, устраивают, – радуюсь. Могу за скромное вознаграждение сделать еще несколько текстов. Вы мне только пришлите тематический план, и я, допивая Вашу бутылку великолепного вина, возьмусь за ручку.

* Полный текст черновика не сохранился. Начинается с нумерованной 3-й стр. Датируется по упоминанию в следующем письме Циклиса. Видимо, Нюрнберг предлагает фразы для некоторой речи или письма о доме, где жил Циклис.

В Москве такие же лютые холода, как в Одессе. Знаю – Вы все жалуетесь. Но на каких скрижалях написано, что только мы должны зябнуть и почесываться от стужи?

P. S.

Мне Вячеслав Павлович Снежков прислал душевное письмо, в котором он описал Ваши невеселые дела. Все мы глубоко возмущены той жестокой несправедливостью, которой Вас Ваши враги угощают. Но только возмущаться – мало. Надо действовать. И я охотно беру на себя часть действия. Напишите, что я могу для Вас сделать. Может, сходить в «Правду»? Хорошо бы иметь Ваше письмо с деталями и фактами. Не стесняйтесь, друг мой.

Крепко обнимаю Вас, мой дорогой философ, и целую!

Сердечный привет от моих. А. Нюренберг.

Больше всех понравилась проза И. Гейдера. Молодец! Тонко, тактично и остроумно.

Циклис – Нюренбергу, Одесса, 19 августа 1959 г.**

19/8 – 59 г.

Мой дорогой друг!

Отвечаю на Ваше милое, сурьезное и насквозь прошпигованное хохмами письмо от 15/8.

При всем моем горении в ответах на Ваши письма я этого не сделал. Это из-за отсутствия обратного адреса в 1м письме; во втором же я прочел, что Вы в Майори. *C'est tout* (это все (*фр.*) – **О. Т.**). Писать: такому-то и сякому-то в Майори я не рискнул. Вряд ли Вы получите мой ответ по такому адресу. «Дедушке в деревню» – тоже ведь не точный адрес.

Что касается «Правды» – так знайте, что я не горю, не переживаю, содеянное мне «вовчелко» безразлично. Хер с ним! Я хочу лишь получить компетентное решение по моему делу (не Дрейфуса и не Бейлина), но все же в минимальной степени схожее с делами моих предтечей. На днях восстановили двух профессоров из Института усовершенствования врачей, уволенных

** В письме слышны отголоски политической кампании в СССР конца 1950-х годов, которая коснулась не только писателей, но и врачей в Одессе, в частности, самого Циклиса. Его либо уволили, либо понизили в должности, либо отправили на пенсию.

одновременно со мной «а фарвус». Я верю, что в моем деле уже чувствуется оттепель. Кстати, о нем и о моем тезке.* Конечно, мы в курсе всей эпопеи этой злобы дня на Литфонде. Не имеем к кому писать, я хотел написать Эренбургу. Хотел ему высказать мое и мне подобных мнение о том и о сем. Хотел ему помочь отбиться от упреков К. Симонова по поводу эренбургской манеры писать, схожей на Вольтера. Но писать не буду. Вот побеседовать, поговорить, после писать! Мне передали его выступление в Секретариате Советских Писателей, в коем он проанализировал смысл двух слов: «обсуждение и осуждение». Так ли это? В 1941 году я ему писал на аналогичную тему. Получил ответ, оказавшийся далеко не пророческим: «То, о чем Вы мне пишете, у нас на фронте не водится. Оно встречается лишь в щелях страны. И я уверен, что с ветром Победы все это выветрится». Увы! Он не угадал... *C'est pas sa faute* (это не его ошибка (*фр.*) – **О. Т.**).

Вы мне приписываете авторство сюжета Вашей картины для выставки. Но я ведь писал Вам о другом сюжете, касающемся 2-х скрипачей-мастеров и т. д. Но, говорят, лиха беда начало. Кто же будет Вам позировать для профессора? Или Вы его поместите спиной к публике? Возьмите меня в компанию. Прилагаю при сем мое фото, которое мне самому очень нравится. Кстати, моя картинная галерея привлекает внимание моих друзей. Останавливаются подолгу у Ваших творений и, главным образом, у «Дамского портного», у моего портрета сангиной, у 3-х наших *coreligionnaires* (единомышленники (*фр.*) – **О. Т.**), сангина и у других.

Знаете ли Вы о трагической смерти Миши Брауна? Инфаркт миокарда! «Он не умер, – сказал мне Ковалевский Б.А., директор Музея обороны. – Он убит!» *C'est bien ça! Il a raison!* (Это именно так! Он прав! (*фр.*) – **О. Т.**) Я лечу сейчас его очаровательную жену. Боюсь за ее сердце. Я делаю все, что могу, чтобы вывести ее из той петли, в которую она сейчас попала. Она всячески пытается меня благодарить. У нее, несмотря на ее тяжелое состояние, много юмора. И лишь вчера, после моего сверхочередного и позднего посещения, она мне сделала комплимент: «Вы врач не теперешний, а сраньше». Горжусь!

* Илья Эренбург.

Что Рувинские? Как мне быть? Ждать от них ответ на мое поздравление или сносить дом и начать снова прерванную переписку? Дайте консультацию.

У Мишкиблитов тучки. Берточка заболела болезнью Рауна – головокружения, тошнота, рвоты. Сейчас у нее только первое. Будем верить, что и оно скоро пройдет.

Лисянские переживают приезд к ним их «детей» из Москвы: полковника А. Натансона, его жены (их племянницы), Саррочки и их дочери, феноменальной Жанночки. На днях они нас покидают. Начался перелет на Север, хотя осени «лично» еще нет. Жара в 35 градусов. Вы знаете, что значит «лично». В комнату входит наша землячка. Ее спрашивают, оглядывая ее ботинки: «На дворе дождь?» – «Лично дождя нет, но грязь есть», – отвечает она. Утро, воскресный день. Муж побрился и, хлопая себя по щекам, говорит жене: «Поверь мне, я чувствую себя после бриться лет на 20 моложе». «Почему бы тебе не бриться перед сном?» – отвечает она ему.

Писал ли я Вам о моем старом друге, кому угрожала ампутация левой ноги? Но, хвала Богам, нога спасена. Я читал у Мишкиблитов Ваше письмо и Неллино. Таким образом, я в курсе Вашей уравновешенной жизни. Продолжайте в том же духе! Привет от нахала Санчо Пансо. Мысль о Рахлине me plaît (мне нравится (*фр.*) – О. Т.).

И. Е.

Нюрнберг – Циклису, открытка после персональной выставки в Одессе в 1963 г.

Куда: г. Одесса, ул. Розы Люксембург, 40, кв. 5, И.Е. Циклису
Дорогой друг,

После всей рекламы, мне посвященной, я мог бы скопировать наших народных художников: завести дачу, купить «Волгу», достать себе молодую «маруху» и друзьям, при встрече, подавать не всю руку, а только два пальца.

Но у меня это не выйдет. Во-первых, нет у меня столько денег, во-вторых, нужных желез нет, а в-третьих, мне вас всех очень жаль. Люблю вас, черти! За что, сам не знаю.

Я все еще служу жене. Она скоро встанет. Совершенно не работаю. Только думаю. Мысли, похожие на воронье в серый день, не покидают меня. Но я улыбаюсь.

На ул. Островидова, 70, кв. 1 живет Светлана Иваницкая. Она тебе поможет склеить выставку мою.

Хоть бы кто-нибудь из вас к нам приехал. Тоска, хочется развлечься.

Твой Амшей.

Циклис – Нюренбергу, Одесса, 30 октября 1964 г.

Куда: Москва, 2-ая Песчаная, д. 6, кв. 187, Нюренбергу А.М.

От кого: ул. Р. Люксембург, д. 40, кв. 5. Циклису.

30/10/64 г.

Дорогой Амшей!

Спасибо за колоритное и интересное письмо. Видно, душа и тело консонируют. Ну, а я все еще не *comme il faut* (как следует (*фр.*) – **О. Т.**). Хожу с трудом, тяну ноги, в марафоне еще не участвую. Надеюсь, что *ça viendra* (это придет (*фр.*) – **О. Т.**). Категорически отказываюсь писать свои воспоминания о Бабеле и Бялике. При встрече объясню тебе причины. Привет тебе от моего окружения, от всех-всех. Я им с наслаждением читаю твои письма. Все они кряхтят, так как это же понятно... Годы и быт дают себя знать. Привет Полине, Нелли, Олечке,* Юре.** И всем твоим и моим друзьям. Не пропадай. И. Е.

Нюренберг – нескольким друзьям, весна 1972 г.

Дорогие друзья,

21 апреля мне исполняется 85 лет. Я верю, что если Вы мне напишете несколько сердечных слов – горечь этой грустной даты не будет казаться слишком горькой.

Ваш искренний друг А. Нюренберг

Москва 125252, До востребования, А.М. Нюренбергу

Публикация Ольги Танган

* Олечка – автор статьи О. Т., внучка Нюренберга.

** Юра – писатель Ю. Трифонов, зять Нюренберга.